

Обреченные

Легенды о проклятых III

Ульяна Соболева

18+

Легенды о проклятых

Ульяна Соболева

Легенды о проклятых
3. Обреченные

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Соболева У. П.

Легенды о проклятых 3. Обреченные / У. П. Соболева —
«ЛитРес: Самиздат», 2017 — (Легенды о проклятых)

Страшная, нескончаемая вражда велиаров продолжается, покрывая землю людскими костями, умножая зло до бесконечности мертвыми душами. Тьма уже совсем близко. Наступает и дышит зловонным дыханием, поглощая солнце, оставляя за собой смерть и лед, извращая правду и веру до неузнаваемости. Проклятая ниада низвергнута в бездну грязи и захлебывается в собственной боли, а Безликий рыщет по снегу в поисках правды. А повсюду только смерть да ложь. В оформлении обложки использована фотография Ironika с сайта shutterstock. Номер лицензии 1284074620

Содержание

Глава первая. Тени	6
Глава вторая. Данат Третий	12
Глава третья. Одеия	18
Глава четвертая. Младенец	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тьма ступает черной бездной.
Тьма восстанет с Поднебесья.
Души мертвых жаждут мести.
По степям раздастся крик
Всех оставшихся в живых...
Черный волк по снегу рыщет
В свете мертвенном луны.
Он ЕЁ в аду отыщет...
Но они обречены...

Глава первая. Тени

– Бади, трусливая задница, за огнем смотри, жир не застуди. Ночью мороз ударит, а жир застывает первым.

Следопыт Нант ослабилась и пнул Бада в плечо кулаком, а потом попытался ущипнуть за круглую щеку указательным и средним пальцами.

– Вот сразу видно, что ты на кухне ошивался, пока тебя не вышвырнули Оду служить. Небось проворовался, да? Все запасы сжирал в крепости, а, Бади-и-и-толстая шкура? Надо было скормить тебя охранным псам, толку бы было больше!

– Да пошел ты. Умник выискался. Иди давай по дрова, да по сторонам оглядывайся. Гайлары выскочкам первым головы отгрызают.

Сказав это, Бад Уикс исподлобья посмотрел на следопыта и отшвырнул его руку в сторону.

Да ну их всех к Саанану! Он в лес так далеко не пойдет, пусть хоть трижды его трусом назовут. Мать говорила, в сумеречном баорды водятся, и тени бродят, когда луна из-за туч показывается. Пусть сами прутся – его забота за огнем присматривать и жрать им готовить.

– А-ха-ха-ха, насмешил! Гайлары?! Вы это слышали? Ты, поди, дамаса перехлебал, Бади-и-и? А правду говорят, что это ты шеану Ланту после сожжения с костра вытаскивал? Может, и мясца ее горелого и печень тоже ты сожрал, м?

Бад, казалось, не слушал Нанта и помешивал тлеющие головешки в костре. Но его полная, чуть оттопыренная вперед верхняя губа слегка подрагивала, и видно было, что он нервничает, а то и злится. Кто знал Бада, удивился бы, потому что молодой стряпчий муху никогда не обидит, пауков боится и мышей и тут самому следопыту огрызнулся.

– Сожрал, конечно. А ты от зависти заживо гниешь, оттого такой тощий? Или тебя мама в детстве покормить забывала?

Нант зарычал, бросаясь на парня, который, хоть и был тучным, но даже стоя в полный рост не доставал следопыту до плеча.

– Зато тебя она отменно кормила, толстая свинья!

– Отстань от него, – сказал Шекс, поправляя широкий кожаный пояс на тулупе и вскидывая руку с топором на плечо, прядь засаленных и слипшихся седых волос выбилась из-под шапки на морщинистое, обветренное лицо главного следопыта Гарана, и он торопливо сунул ее под мех, – кто-то из местных, видать, мертвую плоть баордам продает, говорят они платят солнечными камнями за органы мадоров. Этот на такое не способен – кишка тонка, и мозги иначе работают.

– Нет, это он ее сожрал. Голодный был. Да, Бади? В армии плохо кормят, зима-сука всех косит: и людей, и зверей, а вот такие, как Бади, не пропадут – мертвечину жрать будут. Да, жирный?!

– Заткнись! Отстань от него! Утром, думаю, деревню наконец-то найдем. Судя по карте, мы уже близко к Равану. Там продовольствием разживемся, весть в Лассар об эпидемии отправим и обратно пойдем. Люди нас ждут. Одна у них надежда, что мы дойдем, а вы тут друг друга сожрать готовы!

– Я слышал, в Раване можно и лошадьми разжиться, там еще их не сожрали. Такие вот, как этот...

Следопыты скрылись во мраке, а Бад прислонился к дереву и, оглядевшись по сторонам, флягу достал из-за пазухи, открутил холодными пальцами крышку, с наслаждением хлебнул огненной жидкости, поморщился, тряхнул головой и блаженно застонал. Алкоголь опалил

вены, и тепло потекло по телу стряпчего цитадели Гаран, которую они покинули из-за наступивших холодов месяц назад, чтобы привезти провизии из Равана, куда приходили обозы с продовольствием. Самая северная крепость стала недоступна из-за занесенных снегом дорог и нескончаемых снежных ураганов. Люди умирали от чумы и голода, сходили с ума, теряя близких одного за другим. Над Гараном стоял вой обреченных на смерть или схоронивших свои семьи. Многие тогда в армию Ода ушли – воинов хотя бы кормят, по цитаделям провизию развозят и вещи теплые, когда совсем голодно, но только дозорным и солдатам. Бад потому и согласился стать пушечным мясом в услужении у Оды Первого – семья с голоду пухла. Сначала старшая сестра умерла, потом отец не вернулся с шахты, и тогда Бад в армию подался. Хотя, что греха таить, таскал он и зерно, и муку с лионской столовой, за это его оттуда и выгнали, но в дань памяти Уиксу-старшему, который еще с дедом лиона Фарна на охоту ходил, руки юноше не отрубили. Бад нести службу у границы с сумеречным лесом отправился. Только он оружие в руках отродясь не держал – ничего, кроме разделочного ножа и скалки для теста, когда матери помогал хлеб печь на продажу. Его в стряпчие определили – солдат кормить. По выходным Бади еду домой таскал для двух младших сестер и матери больной, она после смерти отца и старшей дочери сама не своя стала.

Бади и сейчас со следопытами пошел в надежде провизии раздобыть и домой принести... если успеет, если голод и холод не отберут у него самое дорогое что осталось – семью. За это он был готов терпеть что угодно, даже насмешки Нанта, но именно поэтому и стал таким дерганым. У него в животе уже с неделю, кроме коры с деревьев и мерзлой картошки, которую они взяли с собой, ничего не было. И то, картошку делили одну на четверых, чтоб до конца пути хватило. Одно и спасало – дамас. Этого добра было много. Иногда хотелось напиться до беспамятства и забыться. Только останавливало, что пьяные замерзают насмерть быстрее. Но Бад не смерти боялся, а того, что не успеет сестрам и матери еду принести, а он обещал о них заботиться, когда отец умер, и его чистая и светлая душа отлетела к самому Иллину в звездное небо.

Стряпчий голову вверх задрал на макушки елей посмотреть, а там в прорывах между темно-зелеными лапами – бездна рваная с бисером звезд. Красиво какой-то пугающей ледяной красотой, его всегда завораживало ночное небо. Страшно так и безумно величественно, словно сам Иллин рассыпал драгоценные камни.

Бад уютней устроился у костра и глаза закрыл, а перед ними почему-то вдруг образ Ланты возник. Неожиданно и совершенно незвано. Он ведь даже не думал о ней и не собирался вспоминать. Всегда запрещал себе. Ни одной мысли. Но они сами, как вязкая паутина, опутывали мозги и расползались внутри, заставляя погружаться в воспоминания. Ланта. Красивая девочка с разными глазами, которую только за это еще с детства называли шеаной. А ему нравились ее глаза, он смотрел то в синий, то в зеленый и чувствовал, как сердце заходится от сладкой боли. Наверное, он ее любил. Таскался везде, словно щенок преданный. А однажды увидел, как она в пруду моется. Волосы светлые распустила, и они по телу ее сочному вьются, между ног путаются и за соски алые цепляются. Бади сам не понял, как руку под мягкое, дрожащее от напряжения пузо сунул, потом под резинку штанов и нащупал отвердевший член, чтобы два раза ожесточенно его дернуть и зайтись в своем первом в жизни оргазме... Потом их будут десятки, а то и сотни и все посвящены ей – Ланте. Шеане с волосами, похожими на водоросли и белой молочной кожей. Даже сейчас Бади мгновенно ощутил, как встал его короткий член, который местная шлюха как-то издевательски назвала стручком. Но заткнулась, когда стряпчий заплатил ей за секс козьим сыром и медом.

Бад не заметил, как уснул и наклонил флягу, а из нее дамас на тулуп полился тонкой красной струйкой, впитываясь в толстый, побитый молью, мех.

Утомленное и разморенное дамасом сознание резануло видениями о Ланте, как орет, и кожа ее от языков пламени обугливается, а он смотрит и скулить хочется от жалости к ней.

Они ведь выросли вместе. И девушка никогда не была шеаной. Да, ее так называли, но Бад точно знал, что Ланта не только красивая, а еще и нежная, и добрая. Любила Бада, конечно, не так, как он ее, а, скорее, по-сестрински, и хлеб приносила для них, когда старшая сестра стряпчего умерла, мать слегла, а пекарня закрылась, и семнадцатилетний мальчишка остался в семье за главного. Только злые языки болтали, что Ланта муку не из амбара цитадели брала, а приносила по ночам из леса. Не иначе, как выменивала на снадобья шеанские или душу Саанану продала, раз в голод такой еду находила. Но Бади-то знал откуда роскошь – Ланта к солда,там ходила, тело свое продавала. Он как-то проследил за ней. Не шеаной она была, а шлюхой и он ее за это презирал. Любил и ненавидел.

Никто и пикнуть не посмел, когда за ней инквизиторы пришли. Ведь таков закон – мешать святому правосудию нельзя, иначе будешь считаться пособником мадоров, и никто тебя не пощадит. Времена нынче такие: люди нечисти боятся, а зимой – особенно. Ведь легенда лассарская гласит, что однажды придут тени и поглотят весь свет на земле, а путь для них проложат в наш мир мадоры и гайлары. Вот и истребляли каждого, на кого сосед донесет. На Ланту тоже вот так донесли. Он мог ее спасти, мог перед казнью дверь открыть в чулане, ведь он там нес дозор тогда, но Бад не стал...он испугался. Не за себя, а за сестер и за мать. Никто б его не послушал, а, скорей всего, сожгли б там же рядом с ней его семью, поймав пособника...Но угрызения совести жили своей жизнью, превращаясь в злобных тварей, рыскающих по ночам в закоулках его сознания и больно вгрызающихся в душу.

Когда сожгли шеану на площади, а ее крики дикие все еще эхом разносились по крепости и сотрясали башенки по периметру цитадели, Бади боялся смотреть на костер. Ему казалось, что она голову лысую, покрытую струпьями, поднимет и прохрипит ему, что он – проклятый предатель и жалкий трус. Стряпчий помнил, как утром после казни кто-то голосил жутким голосом, что обугленный труп растерзали и все внутренности вырезали. Преступника тогда искали по всей цитадели, но так и не нашли, а она начала к нему во сне приходиться страшная и обугленная.

Неожиданно Бад вдруг открыл глаза – опять эти кошмары про Ланту. Давно их не было. Все так ярко, как и наяву. Он думал, что они уже прекратились и никогда не вернуться...Напрасно думал.

Стряпчий посмотрел на потухший костер, нахмурился – что-то долго никто не возвращается. Саананщина какая-то со снами этими, даже мурашки по спине пошли, и гарью воняет мерзко и тошнотворно. С облегчением выдохнул, когда увидел, как тлеет край пустого вещевого мешка, упавший в гаснущий огонь. Пнул его ногой и подул на искры, пошевелил головешки палкой и осмотрелся по сторонам – ему показалось, что кто-то ходит неподалеку от костра за деревьями.

Он замер и прислушался, но в лесу было так тихо, что он слышал даже шелест собственного дыхания. Бад поудобней устроился у ствола ели, поднял повыше воротник, отыскивая взглядом флягу с дамасом, выругался вслух, когда потряс ею и понял, что она пуста.

Где-то вдалеке, теперь уже довольно громко треснули ветки, и опять послышался шорох то с одной стороны, то с другой. Бад вскочил на ноги и быстро осмотрелся – никого, на первый взгляд, но он был уверен, что в этот раз ему уже не показалось.

– Эй! Это вы?! Выходите! У меня огонь почти погас. Где вас Саанан носил?

Ему никто не ответил, а он поежился то ли от холода, то ли от страха и схватил толстую палку с заостренным концом, которую для него изготовил Шекс вместо меча и кое-как научил ею драться. Оружия на всех не хватало, да и зачем стряпчему оружие, ведь он в отряде совсем для других целей. Баду вдруг показалось, что слева быстро промелькнула чья-то тень, он тут же обернулся, выдохнув холодный воздух, и резко направо, так как теперь ему чудилось, что кто-то прячется за деревьями. Затылок как будто сжало ледяными клещами и не отпускало, дышать стало сложнее.

– Нант! Шекс! Хватит! Я знаю, что вы здесь!

Сильнее сжал палку дрожащими пальцами и, стараясь не скрипеть по снегу толстыми подошвами сапог, двинулся в сторону деревьев. Он наподдаст этим гребаным шутникам, потому что они его разозлили и напугали, а Бади злится очень редко, но, когда злится, он может сильно ударить... как ударил мельника за то, что тот лапал их мать. И сейчас он собирался побить этих троих ублюдков, решивших подшутить над ним, особенно Нанта.

За деревьями было намного темнее, чем у костра. Там словно сгустилась вся тьма и ужас этого мира, пряча от глаз Бади нечто отвратительное и жуткое. Тяжело дыша, Бад всматривался в полумрак, и тонкие струйки пота впитывались в льняную рубаху под тулупом. Парень кожей чувствовал, как рубашка начинает прилипать к телу, так как ее тут же прихватывает холодом.

– Эй! – Тихо позвал он, заметив темную фигуру за деревом, – Я тебя вижу! Выходи!

Сам выскочил и замер, потому что увидел Нанта. Глаза стряпчего начали расширяться, а рот распахиваться в немом вопле. Точнее, он увидел сначала не следопыта, а только его голову, привязанную за длинные волосы к ветке, а тело несчастного было прислонено к стволу ели, и из раны, где голову отделили от туловища, все еще хлестала кровь какими-то монотонными толчками. Стряпчему вспомнилось, как рубил головы свиньям на бойне его отец, и как его тошнило, когда он заглядывал в раны на тушах. Бади очень хотел заорать, ему даже казалось, что он орет, но на самом деле не издал ни звука, попятился назад и на кого-то или на что-то наткнулся. Волосы зашевелились на затылке от ужаса. Это что-то было холодное и дышало льдом ему в затылок. Стряпчий медленно обернулся и зашелся в крике, когда увидел обугленное с одной стороны лицо Ланты. Она улыбалась ему половиной уцелевшего рта и, не моргая, смотрела на Бада разноцветными глазами.

– Я принесла тебе хлеб, Ба... свежий хлеб. Отдай маме.

– Я не хотел, – прохрипел и хотел кинуться обратно к костру, но вдруг заметил, что мертвого Нанта у дерева уже нет, и у Бади зашло от страха сердце, а по телу прошла волна ледяного ужаса. Снова повернулся – Ланта стояла на прежнем месте, и теперь ее рот был испачкан в крови, и стряпчему на миг подумалось, что она пила кровь мертвого Нанта.

– Я принесла тебе хлеб, Ба... свежий хлеб. Отдай маме.

Парень бросился бежать, но отовсюду доносился ее голос, он сводил с ума и вспарывал ему мозги, долбил монотонно о черепную коробку и пульсировал в висках. Пока Бад бежал от этого мерзкого голоса, сам не понял, как споткнулся и упал в костер. Облитый дамасом тулуп вспыхнул и загорелся. Бади закричал очень громко, начал кататься по снегу, пылая словно факел инквизиторов. Он корчился от адской боли, а над ним стояла Ланта и, улыбаясь окровавленным ртом, не переставая говорила:

– Я принесла тебе хлеб, Ба... свежий хлеб. Отдай маме.

***

Утренние лучи зимнего солнца ослепительно играли в искрящемся снегу, заставляя его сверкать самыми разными оттенками, словно звезды, сиявшие ночью, осыпались прямо на землю.

– Как же охота запеченного на костре кабанчика сожрать или, на худой конец, кролика, – сказал один из смотрящих цитадели Раван, – последний раз я ел жареное мясо на свадьбе лиона Варна с десой Марвел.

– Молчи, аж в животе заурчало. Хорошо хоть солонина есть. Некоторые и этого не видят. Смотри за дорогой, а я пайку достану. Жрать от твоих разговоров захотелось.

– Говорят, на северо-западе Даал захватил несколько городов, и с тех пор люди там не знают голода. Ты веришь в эти сказки, Ран?

– А хрен его знает. Люди многое болтают. Так устроен мир – мы хотим верить в лучшее и верить в того, кто это лучшее обещает нам обеспечить. Даал выжигает все на своем пути. Вот что я знаю. Он – бешеный валласский пес, несущий смерть лассарам.

– Можно подумать, Од Первый лучше. Он даже не смог защитить свою дочь.

– Или не захотел. Интересно, в Храме Астры тоже жрать нечего? Или по случаю казни Одеи дес Вийяр там все же принесут в жертву жирного кабанчика и раздадут мяса людям? Саанан меня раздери, отчего я не гонец? Я б придумал повод смотаться к Храму и поглядеть, как будут сжигать красноволосую сучку, а заодно и перекусить.

– Данат – жадный ублюдок, если и зарежут кабана в жертву Иллину, то его мясо отдадут астрелям, а не людям. Ооо...ничего себе...у нас гости, Ран. Со стороны леса.

– Кто такие, видишь?

Ран раскладывал кости на каменном полу и жевал кусок жесткой солонины, запивая квасом, не торопясь встать со своего места, хотя гостей в крепости не было уже очень давно. Отряд из трех следопытов и стряпчего продвигался в сторону Равена, чьи знамена развевались на трех шпилях башен и сверкали белизной даже издалека. Отличительный знак каждой цитадели – это цвет полосы на знамени. В Равене она была зеленого цвета и располагалась четко посередине, венчала полосу корона с трехглавым орлом.

– Не знаю. Так не рассмотреть. Приблизятся, скажу точно.

– Нам только гостей не хватало, самим жрать нечего.

И откусил еще один кусок солонины, закатывая глаза от наслаждения. Из Лассара прибыл обоз с продовольствием, и на несколько недель солдаты смогут забыть, что такое голод. Од все же неплохо кормит свою армию, отбирая продовольствие у простых людей.

– Хм...похоже, они из Гарана. Вижу, как на военных плащах сверкают бело-синие гербы.

– Да ладно. В Гаране вымерли все еще три месяца назад, дороги занесло так, что ни один обоз не подобрался. Наши были там – город мертвецов. Все улицы усыпаны трупами.

– И все же они из Гарана. Иди сам глянь.

Ран встал с каменного пола и подошел к стене с затупившимися от времени серыми каменными зубьями, похожими на сколотые клыки старой собаки. И правда, на плащах гостей сверкали гербы дома Фарна. Смотрящий вглядывался в группу людей и почему-то чувствовал, как по спине пробегают странные волны холода, словно он видит что-то страшное, но пока не может понять, что именно. Потому что ничего странного в них не было. Уставшие и изможденные дорогой, они шли довольно медленно, нетвердой походкой выбившихся из сил странников, и их одежда, припорошенная снегом, так же выглядела вполне обычно. Но сердце Рана билось все быстрее и быстрее. Ему почему-то стало жутко и хотелось кричать, чтобы ворота цитадели беженцам с Гарана не открывали. А потом он понял, и в горле стало так сухо, будто он сам не шел, а бежал по снегу километры. Солнце ослепительно светило слева, и люди, они...они не отбрасывали тени. Не отбрасывали, как сами башни, как знамя Равена, развевающееся на ветру. Вот что напугало смотрящего до полусмерти.

Ран кричал, но в это время затрубил горн, возвещая о том, что за воротами посторонние люди, заглушая вопль смотрящего. Раздался грохот поднимаемых на цепях решеток. Ран оттолкнул напарника и бросился вниз. Он кричал так громко, как только мог:

– Не открывайте! Нееет! Не открывайте!

Спустился вниз, кубарем скатился по ступеням, чувствуя, что вот-вот захрустят, ломаясь, кости, и застыл, глядя на то, как в ворота входят странники. Он продолжал кричать своим, чтобы они бежали прочь, и полз назад, сгребая дрожащими пальцами снег, потому что видел, как по белому покрывалу растекаются жуткие тени, словно чудовищная паутина, как темнеет в цитадели, несмотря на то, что солнце светит всюду.

Ран попятился в сторону повозки с лошадьми, чтобы спрятаться под ней, но лошади в ужасе стали на дыбы, заржали, шарахаясь в разные стороны, и именно в этот момент смотрящий обернулся на истошный крик. Он увидел то, что заставило его застыть и от шока погрузиться в ступор. Двое из тех, кто вошли в цитадель, набрасывались на солдат, впиваясь в них скрюченными пальцами и медленно открывая рты все шире и шире, так, что по уголкам, возле синеватых губ появлялись жуткие трещины, обнажая черное ничто, дыру под кожей. Они заглатывали головы своих жертв ртами-дырами и тела несчастных конвульсивно дергались, словно с них высасывали жизнь, а потом выплевывали на землю, чтобы через несколько секунд убитый поднялся на ноги и посмотрел на мир черными без белков и радужки глазами. Ран спрятался у самого забора, но назвать это место укромным было бы неверно, скорее, наоборот, он сидел на самом виду, и солнце светило ему прямо в лицо... возможно именно это и спасло ему жизнь, ведь твари, притворившиеся людьми, казалось не замечали его и проходили мимо, по крайней мере, он будет так рассказывать, когда доберется до дороги на Храм Астры. Его, конечно же, прозовут безумцем, потому что всем известно, от чего в Раване умирали жители и солдаты. Как и везде в других местах этой зимой – с голоду или от эпидемии чумы, но никак не от нашествия теней в облике людей из Гарана, где народ так же скосила эпидемия.

Ран со временем перестал рассказывать эти ужасы, ему все равно никто не верил, а ночи полной луны закончились. Только бывшему смотрящему казалось, что это далеко не последняя деревня, которая вымрет с «голоду» за эту зиму, и он бежал на юг. Как можно дальше от жуткого места.

Глава вторая. Данат Третий

Никогда в своей жизни Данат не испытывал этой ядовитой смеси эмоций: жгучая ненависть и в то же время дикое желание удерживать рядом, ломать, унижать и заставить преклоняться, если уж не перед собой, то перед силой Иллина, а шеана упрямая не подчинялась, не становилась на колени и не принимала постриг. Её не пугали ни угрозы, ни обещания избавления от боли душевной. За это Данату хотелось содрать с ниады одежду и хлестать ее шипованными плетьюми, а потом клеймить ее тело снова и снова, чувствуя, как дергается его плоть только от одной мысли об этом, вспоминая наслаждение, которое испытал, глядя на распластанную на алтаре велиарию Лассара. Было в ней, покоренной и униженной, нечто эпичное и прекрасное. Ведь в этот момент Данат был во сто крат сильнее ее и даже самого Ода Первого, возмнившего себя таким же могущественным, как и Иллин.

И его сука-дочь, посмевавшая осквернить алтарь грязной связью с валлассаром и понести от него греховный приплод, который был настолько слаб и гнилостен, что не пережил и двух лунных недель. Данат содрогался, представляя себе Одею, извивающуюся под Рейном дас Даалом... как тогда, когда увидел ее, выгибающуюся на постели с руками, зажатыми между ног и разметавшимися по грязному матрасу красными волосами. Только в мыслях астреля над ней яростно и остервенело двигался велиар Валласса, проклятый варвар, присягнувший Саанану. Его сильные ягодицы сжимались и напрягались, вбивая чресла в красноволосую женщину, а Данат скрежетал зубами и бился потным лбом о косяк двери, проклиная обоих... и себя заодно, потому что он даже мечтать не смел о том, чтобы прикоснуться к ней хотя бы пальцем... а презренный ублюдок трахал ее, как хотел и когда хотел. Трахал, не обжигая плоть, а это значит шеана предала своего Иллина и признала хозяином валлассара. Она делала с ним то, что он, Данат, никогда сделать не сможет, потому что его плоть мертва и не знает, что значит каменеть... она лишь может дергаться от оргазма... от безумного и прекрасного по своей силе наслаждения, которое Данат познал, узрев эту сучку, и уже не мог отказаться от этого, возвращаясь мысленно снова и снова к тому моменту. Он даже пытался трогать свой член... но ни одно прикосновение к изуродованной плоти не приносило такого удовольствия, как мысли о ниаде, с раскинутыми в сторону ногами извивающейся на алтаре. У него скулы сводило от мысли о том, какова на вкус ее розовая плоть изнутри.

Грязный валлассар касался ее там? Конечно, касался. Он вбивал в нее свое семя так долго и так часто, что проклятая понесла от него. И Данат не знал, за что ненавидит их обоих больше: за то, что они это делали, или за то, что сам астрель никогда не сможет этого сделать ни с ней, ни с кем-либо другим. Впрочем, как и любой другой послушник храма Астра, вне зависимости от принадлежности к фракции*1. Астрели бесплодны, невозбудимы на плотские утехы, и их тело служит лишь сосудом для души, отданной всецело Иллину. Грязные и отвратительные мысли несвойственны им.

Когда астрель думал о том, что войско валласского пса уже почти достигло границ с землями храма, ему становилось не по себе, он все еще не верил, что тот отважится перейти озеро и обрушиться на самое святое место Лассара. Только военные астрели-гонцы приносили вести одну страшнее другой. Будто войско варварское настолько огромно, что словно саранча из манускриптов святых, покроев всю землю Лаассарскую черным облаком, оставляя после себя одни кости. Там, где прошли они, только коршуны над скелетами и черепами летают, и дым вьется над сожженными деревьями с запахом человеческого мяса. Валлассар беспощаден даже к детям и старикам.

Гонец от ублюдка с оскалом вечного смертельного веселья на изрезанном лице прибыл неожиданно, среди ночи, и астреля подняли с постели, чтобы лассарский солдат-наемник, умирая, смог передать Данату послание от проклятого самозванца, разбившего их армию у подножия горы Шарган. Данат, как и Од, не верил, что сын Амира выжил. Гонцу дали яд, который начал убивать его ровно тогда, когда он сообщил астрелю требования бывшего главного меида Лассара.

Если бы Данат не поторопился, несчастный умер бы, так и не сказав ни слова. Изувер запретил ему говорить с кем-либо, кроме верховного астреля, и обещал, что только верховный астрель сможет его спасти. Проклятый лгун – от яда баордов нет противоядия. Они добыли его, еще когда их предки влезли на скалу Жахандала и вынесли оттуда солнечные камни – несметные сокровища самих Богов, которые их за это и покарала. Ведь в живых осталась лишь горстка смердящих падальщиков – баордов и по лассарски и по-валласски...но именно эта горстка знала, где зарыты солнечные камни и владела самым жутким ядом во всем объединенном королевстве. Жрецы баордов. Старейшины и их дети. По крайней мере, так гласила книга с легендами о проклятых, лежащая в библиотеке храма...если она существовала на самом деле. Никто ее никогда не видел. О ней лишь все говорили. Если верить ее строфам, баорды обладают несметными богатствами и самым смертоносным оружием – ядом гигантских пауков, жахадов, по старым преданиям якобы населявших скалы много веков назад. Каким –то образом этот яд попал в руки валлассара. Астрель и раньше видел, как от него умирают люди, вернувшиеся с плена баордов. Чокнутые людоеды добавляют отраву во все, что едят, чтобы носить в своей крови противоядие. На самом деле Астрель не верил, что яд баордов имеет столь дикое происхождение. Скорей всего, баордские мадоры варят его из каких-то растений, найденных в проклятом сумеречном лесу. Потому что жахадов никогда не существовало – это лишь суеверия.

Лассарский мальчишка в военной обмундировании, едва достигший возраста, позволявшего забрать его на войну, валялся в ногах Даната и корчился от адской боли в кишках, которые сжигало ядом, заставляя несчастного кричать и биться в судорогах.

– Если...если вернете красноволосую женщину, он не войдет в Храм. Пройдет мимо...о, Иллин, как же больнооо. Как мне больно...дайте мне противоядие, ваша Святость, молю вас. Он сказал, что у вас есть...что вы избавите меня от страданий.

– Что еще сказал валлассар?

Отталкивая от себя носком позолоченного ботинка истекающего кровавым потом гонца и кривя губы, спросил астрель.

– Сказал, что его войска войдут в город, и валлассары не пощадят никого. Изничтожат женщин и даже младенцев. Кольев хватит на всех.

– У вас была целая армия. Тысячи наемников со всех провинций Лассара. Как вы могли проиграть бой за дорогу на Храм? Почему не стояли до последнего?

– Это не человек – это сам Саанан. Вы не видели, как они сражаются. Они не похожи на людей. Это фанатики. Они просто убивают. Несут смерть всему живому. Он заставит эту землю содрогнуться от ужаса и зальет ее кровью лассаров. Если вы не преклоните колени перед силой его и могуществом и не отдадите то, что принадлежит ему.

– Валлассару здесь принадлежит лишь эшафот, на котором ему отрубят голову или повесят. Он не достоин даже святого костра, очищающего от грехов. Он сдохнет как псина, каким был и его отец.

– У него...у него тысячи воинов. Они одержимы войной...они – монстры. Но самый жуткий монстр – он сам. Спасите от него людей и отправьте ему то, что он хочет. Одна лассарская шеана за тысячи жизней. Оно того стоит.

– Не тебе меня учить, что и чего стоит.

– Он придет сюда и сожжет храм. Он не человек... Поймите вы! Он – тварь из самой Преисподней. Люди, – парень захлебнулся собственной кровью и схватил Даната за обе ноги, – люди говорят, что он волком оборачивается...он слуга Саанана ...он убьет нас всех.

Данату было плевать на то, что произойдет со всеми, и если грядет апокалипсис, то жалкие идиоты сами в этом и виноваты.

– Дай-те...дай-те мне противоядие.

– У меня нет противоядия. Валлассар тебя обманул.

– О...мой...Иллин...Тог-да...помолитесь обо мне. Помолитесь о моей душе.

– Иллину нет дела до продажного наемника, который пришел сюда, лишь потому что надеялся выжить. Пришел, чтобы заставить меня предать свой народ.

Астрель пошел к двери, но гонец полз следом, пытаясь схватить его за сутану.

– Отпустите мне грехи, Ваша Святость. Умоляююю!

Астрель отвернулся и пошел прочь от харкающего кровью гонца.

– Будьте вы прокляты...он говорил...говорил, что никто не станет...молиться обо мне.

Саанан живет в этих стенах, и нет здесь Иллина. Вы – слуга Саанана. Чтоб вам гореть в огненной бездне-е-е.

Данат даже не обернулся, он лишь услышал, как за ним со скрипом закрылись огромные двери залы Храма.

***

Он смотрел на заснеженную пустыню из окна самой высокой башни храма. Больше всего его волновала сейчас собственная шкура, и он прикидывал, каким образом можно не отдать шеану валлассару и в то же время избежать нападения и уберечься от нашествия нечисти Саананской с севера. И видел лишь один выход – красноволосую шлюху сжечь на костре и отдать храм варварам. Здесь давно не живет Иллин, это место стало рассадником порока и грехов. И всех постигнет кара Всевышнего. Но он принял это решение после того, как вышел из кельи упрямой гадины, посмевавшей плюнуть ему в лицо своей грязной слюной. Он так и видел перед глазами ее бледное до синевы лицо со вздернутым подбородком и чувственными искусанными губами, скривленными в презрительной усмешке. словно это не она стоит перед Данатом в дырявой рясе, под которой угадываются ее сочные формы, а он, Верховный Астрель, ползает в ее ногах и просит милостыню. В какой-то мере так и было. Когда он вошел в келью ниады и повесил на стену факел, его трясло от предвкушения и какого-то еденького страха, на что он способен ради этой женщины. Если бы она согласилась на его предложение...он бы отрекся даже от сана и бежал с ней за сумеречный лес, в северные земли в поместье дес Варшасов. Он бы воздвиг для нее храм прямо там и молился, и преклонялся только ей – женщине, подарившей ему наслаждение.

– Вы отречетесь от сана ради меня?

Ее голос звонко звенел под низким потолком кельи, в которой, казалось, было невыносимо душно, несмотря на холод и пар, вырывающийся изо рта ниады. Рядом с этой шеаной ему всегда становилось нечем дышать.

– Я готов ради вас на все что угодно.

Кривая усмешка, так напомнившая Данату Ода Первого и исчезнувшая так же быстро, как и появилась. Как же она красива, эта дрянь. Красива до такой степени, что рядом с ней все меркнет, бледнеет и теряет свои краски. Ее лицо и широко распахнутые, полные загадочной бирюзовой тьмы глаза смотрят на Даната, и у того мурашки ползут по коже.

– Не говорите так, Верховный Астрель. Не нужно лгать прямо в Храме. Не к лицу это такому высокопоставленному священнослужителю. Вы готовы на все что угодно не ради меня, а ради себя.

– Я спасу вас. Я дарую вам свободу от всего, что сковывало вас раньше. Я избавлю вас от клейма.

Она расхохоталась, а он весь внутреннее сжался, словно скукожился до карликовых размеров.

– На мне нет клейма – оно срезано Рейном дас Даалом. На мне теперь стоит его клеймо. И я знаю, что он идет сюда за мной. Поэтому вы решили бежать. И если бы вы были готовы ради меня на все, вы бы отдали меня ему, потому что только этого я и желаю. Но вы этого не сделаете, ведь это оскорбит ваши принципы и религиозные чувства. Отречение от сана – нет, грехопадение со мной, если бы я избавилась от тошноты, которую вызывает лишь ваш запах, и отдалась вам – об этом вы мечтаете, а вот то, что я уже не принадлежу ни вашему Иллину, ни вам – это оскорбительно.

По мере того, как она говорила, его охватывал огонь ярости от которого начало трясти все тело. Презренная шлюха. Да кем она себя возомнила?!

– Вы живы лишь потому, что я так решил.

И снова хохот, а ему хочется сомкнуть руки на ее шее...но он помнит, как больно жжет яд ниады. На его пальцах все еще есть шрамы от ожогов.

– Я не жива, я мертва. Я умерла вместе с моим мальчиком, которого вы отняли у меня и даже не дали попрощаться с телом.

– На то была воля Иллины.

– Иллины, от которого вы готовы отречься ради мерзостей со мной?

– А с валлассаром это не было мерзостями? Я тебя уничтожу.

– Ты никто, чтобы уничтожить веларию Лассара. Ты не имеешь права вынести мне приговор без согласия моего отца.

– У меня есть его приказ, подписанный им лично, казнить каждую, кого заподозрю в колдовстве и пособничестве валлассарам – подданным Саанана. Там нет исключений.

– Думаешь, отец не узнает об этом и не покарает того, кто посмел тронуть его дочь?

– Я сожгу тебя, а потом спалю этот город...– сделал шаг к молодой женщине, влекомый какой-то невиданной силой, ощущая напряжение в паху и острое возбуждение лишь от мысли, что мог бы коснуться ее хотя бы в перчатках. – но если бы ты согласилась...если бы...

– Лучше сгореть на костре, чем вдыхать зловоние твоего дыхания и твоих слов. Из-за таких, как ты, грош цена вере человеческой...кто такой сам Иллин, если самый преданный слуга его лишь презренный, похотливый рукоблудник и предатель, а земля не пылает под ним, и праведный гнев Всевышнего не обрушил на него меч правосудия.

Она говорила так звонко, что каждое ее слово отдавало резонансом в висках и заставляло сердце Даната глухо биться в груди, истекая ядом.

– И сгоришь. Сгоришь как шлюха валлассара проклятого. Как шеана, приспешница Саанана.

– Лучше гореть на костре шлюхой валлассарской и ведьмой, чем быть невестой лживого бога, в которого не верит даже его верховный астрель.

***

Данат смотрел вниз на заснеженную ночным ураганом площадь с высоты башни огромная территория храма казалась ему маленькой и какой-то жалкой. А когда-то он счел это место величественным и особенным в своей царственной красоте. Верховный астрель позвал к себе тогда еще юного Нета дес Варшаса перед посвящением в лоно святой Астры именно здесь, в этой башне и именно зимой. Астрель помнил ту страшную ночь, когда его собственный отец привез жертву – своего предпоследнего сына в обмен на благословение Астреля Каландра Второго и вручения дес Варшасу ключей от Наргаса вместе со свитком полномочий, подписан-

ным отцом Ода Первого собственноручно. Жизнь сына в обмен на власть в одной из жалких провинций Лассара, покровительство велиара и возможности присутствовать при дворе. Кто-нибудь знает, как принимают в астрели тех, кто не был предназначен для служения с детства и не прошел святой обряд посвящения в бесплотных и чистых мужей Астры? Данату никто об этом не рассказывал, что его ждет в первый же день прибытия в Храм, если бы рассказали, он бы от страха обмочил штаны и, скорее, удрал бы из родного дома, чем добровольно позволил с собой сделать то, что с ним сделали низшие астрели. Еще в младенчестве будущим астрелям зашивали крайнюю плоть, прорезали дырку для мочеиспускания сбоку, вставив туда тонкую трубку и подрезали семенные каналы. Её извлекали лишь тогда, когда все заживало. Считалось, что сшитая плоть не дает астрелям испытывать сексуальное возбуждение и избавляет их от греха рукоблудства. Для семинедельного младенца данная процедура хоть и была болезненной, но проходила довольно быстро и практически не влекла за собой последствий, а вот для четырнадцатилетнего юноши это стало кошмарной пыткой, так как данная процедура была не только болезненной, но и протекала на всеобщем обозрении.

Данат не должен был стать астрелем, эта роль была отведена Сарену, младшему сыну Варшаса, но он умер от чумы, не достигнув своего десятилетия, а отец Нета не хотел терять тех привилегий, которые ему сулила родственная и кровная связь с храмом. Данату еще долго снилось, как он голый телепался на веревках, а палач наживую зашивал его плоть, склоняясь над ним с иглой, и как презрительно кривился верховный астрель, когда Данат от боли обмочился на руки палача.

С тех пор он всегда боялся этого...недержания от страха или сильного волнения. Своего унижения и боли он не простил никому – даже самому Верховному Астрелю. Кто знает, от чего на самом деле умер Каландр. Говорят, что от старости и страшной болезни, которую подцепил в обедневших и страдающих от болезней деревнях. Но всего лишь накануне вечером астрель окроплял иллинской водой младенца и отправлял воинов на поиски ниад перед вторыми выборами на пост Верховного. Уже утром он был найден в своей келье умершим во сне, и Данат третий – идеальный и самый любимый ученик Каландра – принял правление Астрой в свои коротенькие и толстые пальцы.

Самое первое, что сделал Данат, став Верховным – отнял все земли у Варшаса и присоединил их насильно к храму, взяв провинцию отца с помощью астрелей-воинов. И когда Нет-старший стоял перед собственным сыном, преклонив колени, тот приговорил его к вечной опале, изгнанию и отлучению от храма.

Как говорили в народе, сын не простил отцу подрезанных яиц и отобрал него его собственные. Варшас был изгнан из Лассара и бежал к островам, где был пойман дикарями, оскоплен и распят на пятиконечной звезде.

Когда Данату сообщили о смерти отца, тот поставил пять свечей за упокой его души и отбыл в Тиан на свадьбу Ода Первого.

И сейчас Данат смотрел, как искрятся на солнце белоснежные курганы. Бесконечная зима – величественная красота смерти. Пугает и завораживает. Где-то там, за темной кромкой леса или за горизонтом, крадутся проклятые валласары во главе с вечно улыбающимся Саананом в человеческом облики. Они идут в храм. Они близко. И Данат с ужасом и предвкушением думал о том, как проклятый урод в железной маске въедет в город и найдет труп своей шлюхи обугленным, а храм – сгоревшим дотла.

*1 –

Астра делилась на пять фракций.

Первая – Первый ранг. Верховный астрель.

Вторая – Второй ранг. Высшие астрели

Третья – Третий ранг. Мастера

Четвертая – Низшие.
Пятая – Астрели-воины

Глава третья. Одейя

Мне не было страшно. Наверное, я уже так много всего потеряла, что меня уже нельзя было чем-то напугать. Точно не смертью. Я призывала ее в своих молитвах. Я ждала ее каждой ночью и по утрам, открывая глаза, долго смотрела в потолок и проклинала Иллина за то, что не берет меня к себе. По вечерам молилась ему, а по утрам ненавидела его лютой ненавистью. Иногда мне казалось, что я сошла с ума. Я слышала, как он плачет. Мой ребенок. Кричит надрывно, громко, я бежала на этот плач, прижимая руки к перевязанной груди, из которой так и не ушли еще остатки молока. Оно приливало на плач младенца. И я раскачивалась из стороны в сторону, зажимая уши руками – это его плач. Моего мальчика! Я совершенно обезумела раз слышу его наяву.

И, спотыкаясь, бежала вниз по лестнице и натыкалась на Лаис с ребенком. На какие-то мгновения я словно видела своего сына. Вейлина. Это ведь он. У него такие же крошечные пальчики, ногти, это его голос, это его светлый пушок на голове. Я тянула руки и тут же опускала, потому что Лаис в ужасе шарахалась от меня, прижимая к себе своего сына.

Мне хотелось орать, чтоб она убиралась. Чтоб не бредила мне душу своим счастьем, чтоб не втыкала мне в глаза гвозди своего радостного материнства тогда, когда я... такая пустая, такая гнилая внутри. Сползала по стене, впиваясь пальцами в волосы, тихо скуля, глядя, как она осеняет себя звездой и пятится с малышом на руках к себе в келью.

Я хотела бы обезуметь, но с моим разумом ничего не происходило. Я была отвратительно в себе, омерзительно вменяема и прекрасно осознавала, что никто и ничто не вернет мне моего мальчика. Траурная одежда висела на мне мешком пока Данат на распорядился снять траур на что я послала его к Саанану. Никто не вправе решать сколько времени носить мне свою боль на себе.

Днем мы выезжали в деревни, отмаливать умерших от оспы и от чумы. Я смотрела на чужое горе и боль, но мне не становилось легче, скорее, я понимала, что есть потери, которые не восполнить со временем. Люди болтали о пришествии самого Зверя на землю, о приближении всадников апокалипсиса во главе с самым жутким монстром в железной маске, несущим смерть за собой. Они могли не называть имени – я знала, кто идет сюда, знала, кто ищет меня и не успокоится, пока не найдет. Мне хотелось, чтоб нашел и казнил сам. Посмотреть в его глаза волчьи, убрать волосы с затылка и склонить голову покорно у его ног. Ожидая взмаха меча. Все, как он хотел... перед ним на коленях сломанная и жалкая Одейя дес Вийяр. Отрекшаяся от Иллина. Не ставшая ему ни женой, ни любовницей, ни матерью его сыну. Меня не брала никакая хворь. Я больным молитвы читала и воду с едой подносила. Каждое утро мы брали золотые из пожертвований храму и покупали на рынке хлеб, смазанный жиром для сытности. Несли его в дома с черными тряпками на крыше, колыхающиеся от ветра или покрытые снегом и инеем. Так помечали дома, где царил зараза. Моран предостерегала меня, чтоб я не снимала перчатки и шарф с лица, а потом мыла руки и меняла одежду, но мне было все равно. Я кормила несчастных лично и сидела у их постелей, слушая предсмертные исповеди или бессвязный бред и искренне надеялась, что рано или поздно Иллин все же возьмет меня к себе.

И он меня услышал. Не так, как я представляла, и не так, как я думала. Иногда мне вообще казалось, что Иллин и Саанан – это одно и то же. Только люди не знают об этом.

Мы шли из города пешком, послушницам храма не давали лошадей – не пристало верхом ездить ниадам. Моран сопровождала меня, как и всегда. Она была единственным моим утешением, и она же мешала мне покончить со всем одним махом. Я боялась, что ее сошлют куда-то или казнят, едва она останется одна. Я даже не могла дать ей свободу. Закон Лассара запрещал освобождать валласских рабов. Их можно было только продать или убить. Но не отпустить.

И пока я была жива, никто не трогал мою верную служанку. Даже несмотря на мое положение, люди все еще склоняли передо мной головы и целовали подол моей белой траурной рясы, вознося молитвы. Покаявшаяся ниада, согласная принять постриг, казалась им почти святой. Ровно до той самой минуты, пока Данат Третий не произнес свою речь с балкона храма и не отправил гонцов по всему Нахадасу с вестью о сожжении шеаны и предательницы, которая понесла от врага, которая легла с тем, кто убивал их мужей и сыновей, насиловал их женщин и дочерей. Именно поэтому земля Лассарская проклята. Великий служитель Иллина прекрасно знал, как посеять ненависть в умах фанатиков после того, как ниада отказалась возлежать с ним самим. Но все это будет позже.

Зима бушевала очередным ураганом, который кружил белоснежные смерчи и швырял в лицо ледяные крошки, твердые, как кусочки гранита. Они впивались в щеки, губы, заставляя морщиться от боли и закрывать лицо рукавом тулупа.

– Я говорила вам, моя деса, не стоит сегодня в город идти. Так и простудиться можно. У вас дырявые сапоги и тулупу уже лет двести.

– Это мой народ умирает. У людей в деревне хлеба не будет, если мы не пойдем. У матерей с голоду молоко пропадет.

– Всем бы ваше сердоболие да милосердие, и, того и гляди, войны бы закончились. Только сдастся мне, не за этим вы по деревням ходите.

Я шарфом лицо обвязала, стараясь опускать голову, прячась от порывов ветра.

– За этим. Мне больше нечего искать. У меня ничего нет, Моран.

– Смерть вы там ищите. Я ее отражение в ваших глазах вижу.

Я даже не посмотрела на нее, только вперед, на виднеющиеся ворота Храма и мелькающие огоньки в башенках с дозорными. Что толку перечить, если она права? Я жаждала смерти, я ее искала по всем грязным закоулкам перекошенных изб, в пожатиях полуразложившихся несчастных больных, в их глазах, молящих об избавлении от боли.

– Только тот, кто ее ищет, никогда не находит. Смерть, она, как и любовь, приходит без спроса и уносит вашу душу.

– Тогда мне точно больше нечего терять. Души у меня уже нет.

Мы подошли к маленьким воротам с обратной стороны храма, и Моран три раза постучала. Когда мы вошли за ограду, она вдруг схватила меня за запястья поверх перчаток.

– Подождете меня? Несколько минут. Я быстро. Очень-очень быстро.

Я усмехнулась уголком рта, но вопросов не задала. Зачем спрашивать то, что тебе не хотят рассказать?

В хлеву на заднем дворе блеяли овцы, и тихо мычали коровы. Астрелям каждый день приносили молоко и сыр, а в деревнях люди умирали с голоду. Когда-нибудь, если я выберусь отсюда и встречусь с отцом, первое, что я потребую – ввести налог для храмов. И я не я буду – он это сделает. Или же лично заставлю этих жирных тварей раскошелиться.

За высокой каменной оградой из черного обожженного кирпича, ветер не дул так сильно, но он завывал в трубах и путался в знаменах, стонал в железном щите, в который били верховные астраны, извещая о радости или о беде. И посреди всей этой какофонии мне вдруг послышалось, что кто-то стонет. Мучительно, хрипло и очень тихо. Я пошла на звук, оглянувшись по сторонам, пока не уперлась в железную дверь сарая. Дернула на себя, но та оказалась запертой. Стоны из-за двери продолжали доноситься, и я заметила возле дровницы топор с щербатой подгнившей деревянной рукоятью. Взясась, а поднять сил не оказалось. Но я все же сжала его обеими руками и занесла над собой, а потом обрушила на замок. Он тут же раскололся на две части. А я отбросила топор и толкнула дверь. На промерзлом полу сарая корчился и катался от боли гонец, который прибыл с самого Туарна. Я видела по гербам на одежде еще сегодня утром, как он гнал коня во весь опор и рухнул у ступеней храма без сил. Склонилась над ним, хватая его за плечи, чтобы развернуть к себе, и едва мне удалось это сделать, как я тут же в ужасе

отпрянула – лицо и руки мужчины были покрыты язвенными рытвинами. Они кровоточили, и по лицу несчастного стекали дорожки сукровицы. Он не просто стонал, он выл от дикой боли. И то, что я видела, было ни на что не похоже. Ни на одну болезнь из всех, что я знала и видела.

– Яд!

Послышался голос надо мной, и я подняла голову, взглянув на Моран, которая склонилась над гонцом, трясущимся в очередном приступе адских страданий.

– Что за яд?

– Скорей всего, баордский. От него нет противоядия.

– И мы ничего не можем сделать? – в отчаянии спросила я, все еще глядя на гербы на плаще несчастного. Туарн... Туарн, который взят Рейном несколько недель назад.

– Разве что облегчить его участь известным вам способом.

Я отрицательно качнула головой, и в этот момент умирающий распахнул веки и уставился на меня расширенными в лихорадке глазами с кровавыми прожилками на выпуклых белках. Он вдруг дернулся, хватая ртом воздух и пытаясь отползти от меня к стене, но каждое движение причиняло ему невероятные мучения.

– Ни-а-да... – протянул ко мне дрожащую руку, указывая пальцем на прядь выбившихся из-под капюшона волос, – он говорил... говорил... отдать ни-а-ду.

– Кто он?

Я склонилась над гонцом, но он опять заметался в очередном приступе.

– Мо-о-онстр. Отдать ниаду, и все будут живы. Мо-о-онстр.

– Кому говорил? Тебе?

Склонилась еще ниже над умирающим. Тот закивал, протягивая руки и хватая меня за воротник тулупа.

– Ищет вас... за вами чудовище идет. Из-за вас умирают люди. Из-за вас... я умираю. Вы – проклятие лассарского народа. Исчадие саананское – вот вы кто-о-о.

– Я придушу этого ублюдка, – прорычала моя служанка, но я перехватила ее руку, заставляя замолчать и снова посмотрела на гонца.

– Где он сейчас?

– Кт-о-о?

– Монстр, как ты говоришь. Где он?

Гонец закричал, кусая губы и впиваясь ногтями в мой тулуп. Дергаясь в конвульсиях и закатывая глаза, а я вдруг вспомнила что баордка говорила, когда я просила у нее помочь умирающему Рейну – моя кровь и есть противоядие.

– Дай кинжал мне, Моран! – снова бросила взгляд на служанку, – Дай, я знаю, что у тебя есть.

– Не убивайте меня... не надо, – взмолился несчастный и снова попытался отползти от меня.

– Никто и не думает убивать. Как тебя зовут?

– Бернард... Бернард из рода Ажеронов. Матери вашей мой дед Газар в верности присягнул, еще когда та в колыбели лежала. Отец голову за вас сложил в бою при Туарне... когда супруга вашего убили валлассарские псы. – на губах гонца показалась розовая пена, и он прерывался, чтобы откашляться.

– Верный, значит, ты мне, раз отец и дед клятву давали, – а сама требовательно дернула служанку за руку.

– Верный... не режьте меня. Верный я.

Дурачок. Совсем юный и наивный дурачок. Моран неуверенно протянула мне кинжал и, когда увидела, как я полоснула по тыльной стороне ладони, сдавленно вскрикнула, а я схватила несчастного за голову, стараясь удержать и капнуть ему в рот своей кровью.

– Пей – это должно помочь! – отчетливо произнесла гонцу на ухо, но тот отрицательно качал головой, суеверно осенял себя звёздами, – Пей или сдохнешь! Давай же!

– Что вы делаете, деса? Да вы с ума сошли!

– Не причитай! Помоги мне. Жми на руку, он должен проглотить мою кровь.

Едва несколько капель упали несчастному в рот, конвульсии прекратились, и он затих. Я смотрела на него, тяжело дыша и удерживая за плечи, а Моран причитая, перевязывала мою руку куском материи, оторванным от подола ее мешковатой рясы.

– Не вышло, – застонала я, и молодая женщина подняла голову, взглянула на неподвижного гонца и снова на мою руку.

– Зря только искромсали себя. Не жилец он был после баордского яда. Я вам сразу сказала.

И вдруг гонец громко втянул в себя воздух. Моран вскрикнула. А я вздрогнула и склонилась к нему, ожидая, когда тот откроет глаза... Он их открыл внезапно и очень широко, глядя остекленевшим взглядом перед собой, со вистом вдыхая и выдыхая.

– Смерть-ниада... смерть несет. Всем смерть. Он за ней идет сюда и всех уничтожит. Отдайте ему ... отдайте.

Он умер, едва произнес эти слова. Просто закашлялся кровью и застыл, продолжая смотреть в никуда.

– О Иллин, шеаннннаааа. Матерь всех богов... шеана проклятая. Упаси нас Иллин... Упаси...

Я и Моран резко обернулись к старику, ухаживающему за овцами. Он быстро осенял себя звездами и что-то шептал, пятясь в двери, а потом с воплем убежал.

– Он видел, как вы дали кровь гонцу и тот умер. Уходить надо. Ненормальный растрезвонит по всему храму, это плохо закончится. Сердцем чую, моя деса. Сон такой плохой видела о вас.

– Не верь снам, Моран, не сбываются они. Ни плохие, ни хорошие. Сон – ложь и иллюзии, сон – это то, чего мы боимся или желаем. Не больше и не меньше. Только вера сильна, – поднимаясь с пола и поправляя подол рясы, глядя на несчастного гонца, отдавшего жизнь, как и его отец с дедом у ног своей десы, только деса больше не та и смерти этой не заслужила, – не в богов, а вера в себя, и когда эту веру теряешь, страшно становится, Моран. Так страшно, что, кажется, нет тебя больше и не было никогда.

Мы так и не успели выйти из сарая, нас схватила стража. Скрутили руки за спину и бросили в темницы Храма. Но в темницах я себя чувствовала лучше, чем в своей келье – я в ней не слышала плач моего ребенка. Он смолк. Перестав терзать и рвать мне душу на куски. Я ничего уже не боялась, ко мне пришло странное спокойствие и умиротворение. Говорят, ожидание смерти страшнее самой смерти, но для меня эти часы не стали тяжким бременем, я наконец-то была наедине сама с собой и своими эмоциями. Открыла для себя истину, которая заставила содрогнуться от омерзения, едва поняла, чего желает верховный астрель.

Когда плюнула ему в лицо, и он прижал ладонь к ожогу, я испытала дикое желание выдавить ему свинячьи глаза и выпустить кишки.

– Как ты смел, вонючий кабан, протянуть ко мне свои мерзкие руки?! Как смел предложить свои мерзости мне – велиарии лассарской!

– Шлюхе дас Даала! Вот кому! Не велиария вы больше! Тварь развратная – вот вы кто!

– И ты решил немного разврата себе урвать? Вон пошел отсюда! Прочь! Иначе сожгу тебя живьем! Убирайся!

– Ты еще попросишь меня о пощаде, сука упрямая!

Пятясь к двери, хватая факел со стены и размахивая им, чтоб я не приблизилась.

– Молись своему Иллину, чтоб завтра я сгорела дотла, если выживу, твоя смерть будет страшнее моей!

Хлопнула железная дверь темницы, и лязгнул замок, а я истерически расхохоталась – вот и пристанище богов. Вот она – обитель святости, где Верховный астрель сжигает послушницу за то, что та не раздвинула перед ним ноги.

За что я воевала? С чьим именем на устах умирали мои воины? Я больше не знала, что есть добро, а что есть зло. Я запуталась. Больше никогда не смогу взять меч в свои руки – я не знаю, за что сражаться.

Часами стояла у зарешеченного окна, ожидая рассвета и избавления. Наслаждаясь минутами предутренней тишины.

Медленно выдыхая морозный воздух и глядя вверх. Тучи низко нависли над Нахадасом, затянув все небо так, что не видно ни одной звезды. Где он сейчас? Как далеко его войско отсюда? Сколько дней и ночей мне оставалось ждать его прихода... ведь только это ожидание и давало силы дышать. Увидеть его, молить о прощении за нашего сына и умереть от его руки. Гордый валлассар не простит меня никогда. Если бы я могла, как он, обернуться волчицей и громко взвыть, чтоб услышал через расстояние, как я плачу по нам. Я бы хотела увидеть его перед смертью хотя бы один раз. Сказать, что люблю его. Сказать, что из всего, во что я верила, у меня осталась лишь одна вера – в него. В то, что он, и правда, сражается за справедливость и за свободу. Я больше не жаждала победы Лассара.

– Деса, – тихий шепот под окном, и я схватилась руками за решетки, стараясь разглядеть, кто там прячется в темноте, – это я – Алс... астран.

Впервые он назвал мне свое имя, и я сильнее сжала решетку, чувствуя, как от волнения перехватило горло... Я слышала это имя раньше. Слышала и не раз.

– Времени мало совсем, я иду к НЕМУ. Другого шанса вас спасти нет. Дайте мне что-то ваше... чтобы я вернулся оттуда живым.

Закрыла глаза, дрожа от холода и волнения, потом раскрыла снова.

– Не стоит. Он не придет сюда ради меня.

– Я все же рискну. Я бы мог послать гонца к отцу или к брату, но у меня нет времени – валлассар ближе всех от Нахадаса.

И я вспомнила, впилась сильнее в железные прутья.

– Алс... Алс дас Гаран... – прошептала я, – но как? Астран? Почему?

– Так захотел наш отец. Я всего лишь раб его и преданный вассал, я исполняю его волю. Воля велиара – это воля народа и Иллина.

В голосе нотки того же фанатизма, который я слышала у Аниса и который был когда-то во мне самой.

– Если пойдешь к валлассару, разве не нарушишь этим волю отца?

– Может, я фанатик, но я не идиот и я жизнь отдам за каждого из моей семьи. Так меня воспитала моя мать.

– Твоя мать была хорошей женщиной.

– Лучшей из всех, – с запалом сказал юноша, – а вы – единственная женщина в нашей семье, и я не позволю астрелю совершить свое правосудие без приказа отца. Если вам нечего мне дать, я поеду и так, и тогда, скорей всего, не вернусь обратно.

Как же он похож на Аниса. Тот же запал, те же речи. Приподнялась на носочки и перебросила через решетку волосы.

– Отрежь прядь, скажи, что я отдала ему часть его одержимости. Девочка-смерть просит жизни для ее брата. Но я не обещаю, что это поможет.

– Поможет... я знаю, что поможет, иначе никогда не пошел бы просить о чем-то врага, которого без сожаления убью при другой встрече на поле боя.

Когда он растворился в темноте, я сползла по каменной стене на пол и закрыла глаза. Мне было невероятно хорошо... впервые хорошо за все эти страшные месяцы после смерти моего

сына. У меня появилась надежда. Нет, не на лучшее. Не на светлое. После того, как теряешь единственного ребенка от любимого, вера в светлое, скорее, была бы похожа на помешательство. У меня появилась надежда, что я все же увижу Рейна.

С первыми лучами за мной пришла стража, они связали мне руки и потянули за собой на длинной веревке, стянув с головы капюшон и платок, отобрали тулуп и сапоги. Сколько раз за последнее время меня вот так тащили сквозь толпу, зудящую от ненависти, как саананский улей пчел? Только самое страшное, когда тебя через толпу своих тащат, когда видишь среди них знакомые лица. Астрелей, стражников и воинов, некогда служивших отцу и мне, отданных на охрану храма Одом Первым.

А сейчас они же ведут меня к эшафоту из бревен и набросанных конусом сухих веток вокруг столба. На земле очерчен круг и пятиконечная звезда. Говорят, он сдерживает злые силы, когда горит шеана. Меня подтащили к столбу и толкнули на землю, заставляя кланяться палачу в астрельской рясе и маске-колпаке с пятикнижьем в руках. Я рассмеялась так громко, что стихли разговоры.

– Какую из строф ты прочтёшь, палач? Или астрель? Как можно быть тем и другим одновременно?

Он не ответил, видимо, разговоры со смертниками не входили в его обязанности, а может, боялся, что я своими речами соврачу его.

– Верные и богобоязненные жители Нахадаса, страшная напасть пришла к нам, и не видно ей ни конца, ни края... – голос Даната эхом разнесся по площади, а меня схватили и поставили к столбу, выкручивая руки назад, завязывая и закручивая в тугой узел веревки. Все в толстых перчатках и боятся нечаянно меня коснуться, – На нашу землю обрушились болезни и дикий холод, голод и нищета. Обычно так наказывает Иллин грешников и отступников. «Но мы не грешили», – скажете вы. Да! Мы не грешили! Мы были верными и послушными воле Всевышнего, но в доброте нашей мы укрывали у себя под носом ересь и самый отвратительный порок под маской благодетели! Саанан проник даже в велиарскую семью и отравил нечестивым ядом душу ниады, невесты Иллина, неприкосновенной. Отравил ее душу, и стала она шеаной, во всем ему преклоняющейся, отдающей ему свое тело, когда он вселяется в валласарского монстра, убивающего наш народ, истребляющего добро. Она! – ткнул в меня пальцем, – Она творила с ним мерзости и понесла от него! Ниада позволила осквернить свое тело, и валласар не сгорел. Что это, если не колдовство!? Но ее ребенок умер. Потому что грех карается свыше! Шеана не угомонилась и убила гонца, который принес ей вести о проклятом лассаре!

Веревка впиалась мне в шею и в грудь, сдавила ребра.

– Она наша велиария, – крикнул кто-то с толпы, – она не может быть шеаной!

– Она напоила его своей кровью, и бедняга умер в страшных мучениях, а она утянула его душу. Это видел Зарин своими глазами

– Да-да! Я... я видел. Истину говорит Его Святость! – крикнул старик.

Палач медленно поджег факел и покрутил в руках. Тяжело дыша, я смотрела в толпу, ища лица, искаженные от ярости и презрения, но не видела. Люди не рукоплескали Данату и не выкрикивали мне свои проклятия.

– Она носила хлеб нашим больным и молилась за наших умирающих детей. Входила туда, куда никто не мог войти.

– Кто знает зачем? – крикнул Данат, – Может, она забирала их души для Саанана? Может, она пожирала их плоть? Ведь она до сих пор не заболела! Властью, данной мне самим Одом Первым и великим Иллином, я приговариваю эту женщину к смерти через сожжение!

– Пусть Од Первый казнит ее лично! Не нам судить велиарию и ниаду Иллина!

Толпа начала зудеть снова, двигаться в сторону столба. Несколько бедняков в потертых тулупах и дырявых ботинках размахивали руками и палками. Я даже не заметила, что народа стало больше – пришли люди из деревень.

– Не дадим сжечь! Не дадим ниаду! Она сына моего выкормила молоком козым! Жену на ноги поставила.

– И мою мать!

– И моего брата!

Я смотрела на людей и чувствовала, как учащается дыхание и слезы наворачиваются на глаза. Люди выходили на площадь, отгораживая меня от палача с факелом, закрывая собой, размахивая палками и кулаками.

– Как вы смеете мешать правосудию божьему? Перечить мне, Верховному Астрелю?!

– Мы дождемся Ода Первого, пусть он приказ отдает! Она нас кормила из запасов и пожертвований Храма, тогда как вы, Ваша Святость, отдали приказ эти жертвования с нас собрать, и мы начали умирать с голода!

– Схватить богохульника и выпороть! Двадцать плетей! Она околдовала их! Они не ведают, что говорят – поджигай, палач!

Парня, который посмел перечить Данату, схватили стражники и ударами повалили в снег к моим окоченевшим ногам. Они били несчастного тяжелыми сапогами с железными набойками, не давая подняться, и меня тошнило от звука глухих ударов и сдавленных стонов смельчака, посмеявшегося вступить за свою велиарию, а потом они взяли истекающего кровью парня под руки и потащили в сторону темниц, но он успел схватиться за подол моей рясы окровавленными, сломанными пальцами и поднести материю к губам.

– Да храни вас Иллин, наша деса. На все его воля! Любит вас народ... молиться за вас будет! И я буду! Вы мать мою от голодной смерти спасли!

И по моим щекам потекли слезы... вспомнила, как песню пели воины мои, когда их казнили в Валласе. Как от баордов собой закрывали... и дышать стало легче. Жить захотелось.

Палач снова взялся за факел, как вдруг со стороны города показался всадник:

– К нам приближается войско! Скоро достигнет ворот Нахадаса!

Сердце пропустило несколько ударов и болезненно сжалось – пришел. Он пришел... с ума сойти... успел! Обессилен, повисла на веревках, всхлипывая и пытаюсь сделать вдох полной грудью.

– Остановите казнь – Маагар дас Вийяр приближается к воротам и требует освободить велиарию Лассара приказом Ода Первого.

Разочарованный стон срывается с моих губ, и я вижу, как перекошилось от страха и ярости лицо Верховного Астреля. Как оно вытянулось и расширились глаза. Как перевел взгляд на меня, а потом на палача и громко отдал приказ развязать веревки. А у меня началась истерика – я хохотала, словно безумная, представляя, как Данат будет трястись перед моим отцом, пытаюсь оправдаться, и как я лично сдеру с него кожу! Жирная тварь, я обещала тебе, что живого места не оставлю – Одейя дес Вийяр всегда держит свое слово. Я ему этого не сказала, но он прочел в моем взгляде, полном триумфа, когда веревки упали в снег и я спустилась с помощью людей с эшафота. Кто-то накинул мне на плечи тулуп, кто-то платок на голову, а я почувствовала, как падаю... и была уверена, что так и не упаду – они не дадут. Мой народ.

«Ваш народ вас любит...» пульсировало где-то в висках и угасало эхом в сгущающейся темноте.

Глава четвертая. Младенец

Ран бродил по снежной пустыне уже несколько дней и ночей. Оказывается, память не такая уж и надежная штука. В этом проклятом мире даже она способна на предательство. Раньше он был следопытом-проводником в армии Ода Первого, не только умел распознавать следы где бы то ни было, а запоминал дорогу с невероятной точностью и вел отряд даже в крошечной тьме, тумане или в непогоду, когда видимость оставляла желать лучшего. Но, видимо, годы берут свое, и он стареет, разменял пятый десяток как-никак. Для лютых времен это почти старость, когда из-за войн мужчины не доживали и до тридцати.

От голода и усталости у смотрящего с Равана случались галлюцинации, и ему чудилось, что по снегу расползаются гигантские щупальца пауков, как в цитадели. Но потом он находил в кармане замерзшие корки хлеба и жевал их, пока они не таяли на языке. Кошмары наяву отступали, и мужчина шел дальше, опираясь на деревянную палку. После падения он так и не прекратил волочить за собой левую ногу, и без того искалеченную в прошлом. Ран знал, что нельзя съесть все сразу, так как сбился с дороги и неизвестно, наткнется ли он на поселения в ближайшие сутки. На большее Ран уже и не рассчитывал, он был слишком опытным воином, чтобы не понимать всю плачевность своего положения. Может, это и к лучшему – замерзнуть в снегах, а не быть сожранным этими тварями адскими и превратиться в одну из них. Терять ему нечего, его никто и нигде не ждет. Семья сгинула давно, пока он по военным походам ходил, а женщины своей и детей никогда у него не было. Да и откуда им взяться, если с тринадцати лет меч в руки взял и так и не выпустил, пока в бою не перерубило сухожилия на правой руке, и не стал он следопытом при дозоре? А потом, после того, как ноги обморозил, был отправлен в цитадель смотрящим на вышке, выкарабкался, научился ходить заново на отрезанных ступнях и без пальцев. Никто не знал, что грозный Ран Мазал ходит благодаря чуду... Ран не любил много разговаривать, любопытство и длинный язык позорят настоящего мужчину. Он понял это, когда его высмеивали и называли безумцем с Равана. Но его спасение оба раза было именно чудом, иначе и не назвать. Смотрящий верил, что от смерти его амулет спас, который ему на шею шеана повесила много лет назад. Он тогда отряд через болота вел после тяжелого боя с валлассарами-лазутчиками. Пробирались через трясины к своим и крики слышали о помощи. Никто в чащу леса к топям идти не захотел, сказали, что места там лютые и немало народу сгинуло. А Ран всегда сердобольным был, не мог не откликнуться, бросился один в сторону деревьев.

Он тогда впервые человеческую жестокость увидел просто так, не на войне, и ужаснулся тому, на что вообще люди способны. Несколько местных жителей из ближайшей деревни молодую женщину в разорванном окровавленном платье к стволу привязали и хворост вокруг разложили. Сжечь ее собрались. А она кричит, несчастная, бьется.

– Не троньте. Не шеана я. Дите во мне мужнино. Приходил он. От вас, нелюдей, прятался, того и не видели... ко мне приходил.

Один из мужиков кулаком ее в лицо ударил, выбивая несчастной зубы, а у Рана сердце зашло от жалости.

– Врешь, сука саананская. Мертв мужик твой. С самим Саананом обжималась и отродье от него понесла.

Ран тогда бросился спасать несчастную. Отбил у живодеров-фанатиков, заколов двоих ножом, а третьего утопив в болоте. Повез ее в деревню. Долго вез, дожди проливные начались, всю дорогу размыли, даже лошадь не могла одолеть путь. Привалы частые делали. Он несчастную собой согрел и весь паёк ей скармливал, воду на огне грел, а она хворь какую-то под-

хватила, и не довез Ран ее до деревни. Умерла у него на руках. А когда умирала, звездами его осеняла и молилась о нем.

– Хороший ты... добрый, спасибо тебе. Но, видно, отжила я свое уже. Да и не будет мне жизни одной. Дите умерло во мне, когда зверствовали они. Не бьется давно... Грешная была, нагуляла плод. Я три нападения пережила. Валлассары не тронули нас, а потом свои пришли, деревню отбили и меня растерзали за то, что с врагом спала. Значит, судьба такая. А ты долго жить будешь... это я тебе говорю. Доооолго. Ралана все свои жизни тебе отдаст. Не нужны они ей больше. Сил нет у нее.

Она что-то шептала, закатывая глаза, а он думал, что бредит, и лоб ее от испарины платком утирал.

– Я молиться о душе твоей буду. Нет людей грешных и негрешных. Все мы где-то и в чем-то виноваты перед кем-то. На том свете души равны, и бог один у нас, нет у него имени и не было никогда.

Она глаза открывает помутневшие, но его будто и не видит уже.

– Молись... молись, солдат. Некому обо мне молиться было. Не родился сыночек мой роденький. Ушел и меня за собой потянул. Валанкар его назвать хотела... знаю, что сына носила. Свечку за нас в храме не ставь, не верю я в Иллина. И... амулет себе заberi. Беречь тебя будет от людей и нелюдей.

Он закопал ее у болот и звезду сам из веток смастерил. В изголовье поставил. Слезу скупую утер. Когда во время войны люди мрут, жаль, конечно, но когда женщины и дети вот так, из-за своих же мразей... жить страшно становится. Где зло конец берет, а где начало, не знал и сам Ран, но всегда старался по совести жить. По велению сердца. Убивал, когда выбора не было, чужое не брал никогда и лгать не умел. Может, прямолинеен и груб, но зато с чистой совестью.

На память с ее шеи снял амулет с волчьим клыком, вбитым в кусок дерева и обвязанным волчьей шерстью, сплетенной в тонкие косички с бусинами на концах. Носить не отважился, в карман спрятал, а со временем в мешок зашил и на ремень повесил. С тех пор ни одна стрела его не брала, как заговорил кто.

В озере все его люди потонули, а он выжил, как и сейчас в Раване. Может, и снежная пустыня его не одолеет. Пальцами амулет нащупал и сжал в ладони, делая последние усилия, пробираясь вперед по снегу сквозь липкие холодные комья, бьющие по лицу и закатывающиеся за воротник. Ураган начинал набирать силу, как вдруг вдали огоньки показались, и Ран усмехнулся, сильнее сжимая мешочек кожаный. Вот и добрался до деревни. Его время еще не пришло, есть, значит, у Всевышнего предназначение для Мазала, если к себе забирать не торопится.

***

– Ночлег мне бы и похлебку горячую, – прохрипел севшим голосом Ран, откинувшись на деревянном колченогом стуле и глядя из-под заледеневших бровей на старика-хозяина постоянного двора, разносившего кубки с квасом другим гостям.

– Нет мест. Сам сплю с тремя постояльцами. Беглецы из захваченных деревень, как саранча, налетели.

– На полу посплю в сенях. Я не привередлив. Похлебки неси, хозяин, и квасу горячего. Почему нынче роскошь такая?

– Дорого. Так как и впрямь роскошь. Квасу принесу, а похлебка ползолотого стоит.

Осмотрел путника, приподняв одну косматую бровь над сощуренным светло-голубым глазом и явно сомневаясь в платежеспособности тианца.

– Ползолотого? Ты совсем сдурел, старый пес? За ползолотого свинью жареную купить можно.

– Когда-то. Времена нынче такие. Все не дешево. Свиной в деревне не осталось, только лошади облезлые да козы. Так что похлебка сегодня велиарским блюдом зовется. А ежели с мясом, то два золотых. В сенях места нет. В хлеву могу разместить, тоже не дешево – четвертак. Не ахти какое тепло, но все ж не под голым небом. Костер разожжешь и согреешься.

– Саанан с тобой, пусть и в хлеву. И квас неси горячий. Нет у меня пол золотого на похлебку. За хлев да за квас могу заплатить и все.

– Откуда сам будешь, солдат? Не раванец часом? – спросил вдруг старик и повязку на голове цветную поправил.

– Тианец я. Но с Равана иду...нет его теперь. Померли там все.

Утер с лица растаявший лед и бросил взгляд на огонь с казанком, в котором кипело явно что-то весьма вкусное, и запах в ноздри забивался, заставляя желудок сжиматься в голодных спазмах. Хозяин оказался не скрягой и вместе с квасом принес-таки путнику похлебку и кусок хлеба.

– Брат мой в Раване службу нес...а вдруг, как ты, скитается где-то, и, может, кто накормит несчастного.

Не стал Ран говорить, что, может, и скитается, только уже не в облике человека и в еде явно не нуждается. Но лучше язык прикусить, а то выгонят на улицу.

Хозяин постелил ему овчины сверху на тюфяки с сеном и даже дамасом угостил. После съеденной похлебки и выпитого кваса разморило Рана, и он задремал, сжимая котомку руками с потрескавшейся на морозе кожей. Снилось ему лето и луга зеленые. Снилось, что горы изумрудной травой поросли и ярко-алыми цветами, пение птиц переливается в синеве неба, и журчание ручья у подножия Тиана слышно, где вырос Ран. Родные края, в которых больше чем полжизни не бывал. На деревьях листики нежные появились, и он, задрав голову, любовался красотой, пока не услышал пение где-то вдалеке среди полевых цветов. Женский голос напевал на родном наречии Рана песенку о любви девушки к воину. Когда молодой Ран раздвинул стебли цветов, он увидел ту самую Ралану с красными лентами в волосах, она младенца на руках держала, кружила, в воздухе подбрасывала и уже совсем другую песню пела...ту самую, страшную, которую вдовы поют не вернувшимся с войны воинам.

Слышишь...

Смерть по снегу...

Как зверь,

Воет вьюгой и стонет ветром.

Не вернется любимый теперь,

Для меня он всегда бессмертный.

Далеко он...на небесах,

Сердце плачет...мое...рвется.

Вкусом горечи на губах

Он ко мне никогда не вернется.

Далеко МОЙ...так далеко,

Лишь во сне мое тело ласкает.

Я к нему потянусь рукой-

Он с рассветом опять растает

Слышишь,

Смерть по снегу...

Но Ран все равно улыбался, ощущая внутри, в душе абсолютное счастье. Никогда в своей жизни он еще не был так счастлив, как в этом сне и отчего-то казалось ему, что младенец этот его и женщина его. Что любил он ее на этом самом лугу, и это о нем она жалобную песню поет. Ему так хочется закричать, что он жив и вернулся к ней.

Как вдруг тучи набежали, посреди летнего тепла повалил снег ледяной, и порывы ветра начали выкорчевывать деревья из земли. Замерзли листья, трава застывала и крошилась, разлетаясь по ветру, скручивались лепестки цветов, заледенелые птицы падали на землю замертво, а вода в озере покрывалась льдом, и Ран видел, как жутко выглядят глаза замерзающей живьем рыбы под зеркалом белой смерти. Она там все еще в поле. Он голос ее слышит сквозь порывы ветра, побежал, под ногами цветы мертвые хрустят, пока не увидел Ралану с мокрыми волосами, заледеневшими, в одном тоненьком платье, дрожащую от холода. Она медленно повернулась к нему, и он заорал, чувствуя, как от ужаса лопаются сосуды в глазах. Вместо лица у шеаны потрескавшаяся кожа с черным «ничто» под ней, в руках сверток из тряпок, а из него маленький череп белеет.

Он проснулся от громкого плача младенца. И какое-то время хватал ртом ледяной воздух, стараясь успокоиться после кошмара и унять лихорадочную дрожь во всем теле. Вначале думал, ему показалось, но потом заметил в углу мужчину и женщину с ребенком в руках. На мужчине ряса астрана высшего сана, и женщина с покрытой головой, как подобает жене священнослужителя третьего ранга.

– Почему он все время плачет? Он ведь не голодный. И ручки у него теплые. Может, он заболел? Мне так страшно... я боюсь болезни.

– На все воля Иллина, Лаис. И я не знаю, родная, почему он все время плачет. Ты нервничаешь, и он чувствует, наверное. Надо переждать ураган и добираться домой. Там вам обоим станет лучше намного, вот увидишь.

– Не хочу в Храм. Хочу, чтоб мы нашли жилье в другом месте. Она пугает меня, ниада эта. Ходит вокруг с глазами безумными и руки к моему ребенку тянет. Ненавижу ее. Когда уже казнят шеану эту? Почему твой брат тянет?

Младенец снова заплакал, и женщина попыталась его успокоить, но ей это никак не удалось.

– Мне кажется, он меня не любит. Дети у матери успокаиваться должны, а он у меня криком заходится и от груди отказался давно. Козье молоко пьет, а мое нет. Или это наказание свыше, что у многих детей умерли, а мой живой?

– Не говори глупости, Лаис, конечно, наш сын любит тебя. Он просто крошечный еще, и страшно ему, он чувствует, что ты боишься. Успокойся и он успокоится.

– Зачем я послушалась тебя и на рынок с тобой поехала? Теперь застряли мы здесь. Предчувствие плохое у меня. Очень плохое.

Ран выглянул из-за сухого сена, разглядывая женщину с ребенком и ее мужа. Похоже, астран с семьей из самого Нахадаса здесь оказались. Они-то точно дорогу к Храму ему укажут. Рану помолиться нужно и колени преклонить, покаяться и исповедаться. Избавиться от мучающих его кошмаров. А потом он домой в Тиан поедет. Хватит скитаться по свету.

– Я есть хочу, а у тебя ни одного золотого не осталось. Если б ты не был так беспечен, то не обокрали бы тебя в Салае. Холодно, ты хоть костер разожги наконец.

– Я стараюсь. Кресало отсырело. Ни одной искры, и у меня руки замерзли.

– Ребенку холодно. Поэтому он так громко плачет. Скоро ночь, и мы окоченеем в этом хлеву.

– Скажи спасибо, что хозяин сжалился и пустил нас сюда бесплатно.

В этот момент Ран вышел из своего укрытия. Женщина вскрикнула, а астран трусливо попятился к стене сарая.

– Я такой же путник, как и вы. Спрятался здесь от непогоды. В Нахадас иду. В Храм. Позволите? – спрашивая разрешения сесть рядом.

Астран коротко кивнул, а женщина продолжала смотреть на него исподлобья, прижав орущего младенца к себе. Ран подтянул сена и хвороста, обложил камнями и полил дамасом,

достал из котомки кресало. Женщина и священнослужитель смотрели, как он высекает огонь и как разгорается пламя, пожирая сухие ветки, наполняя воздух долгожданным теплом.

Ран достал остатки хлеба и протянул им.

– Все что есть. Могу поделиться с вами.

– У нас нет денег, – тихо сказал астран, рассматривая Рана с опаской, но инстинктивно придвигаясь ближе к костру.

– Я в храм иду. Просто возьмите меня с собой. Мне больше ничего не нужно.

И протянул женщине кусок хлеба. Она хотела взять, но снова закричал ребенок, и Ран увидел, как болезненно она поморщилась. Изможденная и уставшая, она совершенно не походила на счастливую мать.

– Хотите, я подержу, пока вы поедите? Я, конечно, никогда не держал детей, но я могу попробовать.

Оба отрицательно покачали головой, и он не стал настаивать.

– Я из Равана иду в Нахадас. Заблудился по дороге.

Супруги переглянулись.

– Я слышал, в Раване все мертвы, как и в Гаране. – сказал астран, отламывая хлеб и с наслаждением разжевывая его.

– Мертвы, верно. Я один выжил.

– Благодаря Иллину, он вас уберег от смерти.

И вдруг послышался оглушительный визг горна. Ран инстинктивно вскочил на ноги, хватаясь за меч.

– О, Иллин, что это? – вскрикнула женщина.

Тройной вой возвещал о нападении на деревню.

– Валласары пришли.

***

До этого момента Ран не знал, что такое Ад. Он всегда был в числе нападавших, среди тех, кто несет праведную кару врагу, а сейчас лишь мог глотать широко открытым ртом зловоние смерти и содрогаться в приступах ужаса и ярости, когда валласары жгли дома и вытаскивали жителей деревни на улицу, чтобы швырять их в кучу, как хлам. Рубить на части живых и мертвых, как скот на бойне, заливая землю кровью и слезами.

Ран сражался до последнего, пока не получил сокрушительный удар чем-то тупым по затылку и не рухнул рядом с повозкой торговца тканями, который так и застыл с поводьями в руках, свесив на грудь разрубленную на две части голову. Тианец пришел в себя, когда услышал голос Даала, звучащий как из самой Преисподней – надтреснутый, зычный, пробирающий до костей.

– У вас есть выбор: стать одним из нас, поклониться Геле, отказаться от вонючего языка лассарского и присягнуть в верности мне – единственному Владыке Объединенного Королевства. Сыну Амира дас Даала, так вероломно убитого вашим проклятым велиаром. И я подарю вам жизнь. Более того, я гарантирую, что вы не будете голодать. В наших обозах еда и реки дамаса.

Всех, кто восстанет против меня и моих людей, ждет лютая смерть. И у вас нет времени на раздумья. Согласные пусть сделают шаг вперед.

Ран был среди тех, кто против, но он не мог пошевелиться, придавленный перевернутой повозкой к стене. Он силился рассмотреть того, кто сеял ужас по всему северу. Наверное, сам Саанан выглядел бы именно так, если бы появился перед людьми. Такой же измазанный сажей, со сверкающими глазами и вечно улыбающимся ртом, как пасти Жутких.

Он восседал на своем черном коне, как всадник смерти, гарцуя и выбивая из-под копыт грязь и комья подтаявшего от царящего вокруг пожара снега. Несогласных предать Ода Первого привязывали к лошадям и разрывали на части как женщин, так и мужчин, под улюлюкание солдат и низкий смех их предводителя. На покосившемся деревянном храме повесили знамя дикарей, а вокруг посадили на колья астрелей и верующих в Иллина прихожан, не пожелавших отречься от веры и снять с шеи звезды. Дома остальных несогласных сожгли дотла, а изуродованные тела подвесили вдоль дороги.

Приподняв голову, Ран смотрел, как Даал слез с коня и принялся кружить вокруг трупов, расставив широко руки. Танец смерти. Он слышал об этом когда-то. Но считал не более чем выдумкой трусливых псов, сбежавших с поля боя. От суеверного ужаса по коже тианца поползли мурашки, и каждый волосок на теле встал дыбом. Даже сами зверства валлассаров не ужаснули его до такой степени, как этот варварский танец.

– Отныне ваша деревня принадлежит Рейну дас Даалу. Отныне здесь запрещено говорить на лассарском. Непокорных ждет та же участь. Да здравствует велиар Лассара! Да здравствует велиар Валлассара! Да здравствует велиар Объединенных Королевств! На колени перед вашим Господином!

– Будь он проклят!

Выкрикнул кто-то в толпе и тут же был обезглавлен, остальные покорно опустили на колени и склонили головы перед монстром, который направил своего коня к постоялому двору, ступая по трупам лассаров, как по скошенной траве.

Рану удалось освободиться ближе к ночи, когда дикари праздновали победу, разжигая костры и распивая дамас рядом с притихшими жителями деревни, а валлассарские мужчины хватили женщин и насиловали прямо в снегу или на голой земле у костров. Когда-то то же самое делали воины Ода Первого в деревнях Валласса. Ран помнил, как это было, еще с самого первого своего похода. Помнил, как блевал собственными кишками, когда впервые зарубил мечом валлассара, и из того посыпались внутренности. Да, он тоже убивал, но он никогда не трогал женщин и детей. Его личное табу.

Он не мог смотреть на это дикое насилие вокруг, его это сводило с ума. Пополз по снегу, стараясь не привлечь внимание к хлеву, где оставил котомку. Надо уходить из этого гиблого места, идти в Нахадас через лес, сообщить своим о том, что Даал уже близко к сердцу Лассара. Ран пробрался к сараю и замер, услышав женские крики и брань на валлассарском. Выглянул из-за открытой двери и увидел, как один из дикарей навалился на женщину, которая извивалась под ним и дергала ногами, хрипя и пытаясь сбросить с себя ублюдка, пока тот ритмично двигал задом с приспущенными штанами и бил ее кулаком в лицо и в грудь, а рядом валялся мертвый астран с развороченной топором грудиной. Тианец, неслышно ступая, подошел к трупу, не спуская глаз с насильника, выдернул топор из тела и опустил на спину валлассара. С низким хрипом тот дернулся и рухнул на женщину, придавив ее своим весом.

Ран наклонился и яростно отбросил тело подонка в сторону, с ужасом глядя на женщину – она уже была мертва. Валлассар задушил ее веревкой, концы которой теперь развевались на ветру и шуршали, цепляясь за сено. Смотрящий наклонился и прикрыл ей глаза двумя пальцами. Затем он стащил одежду с мертвого валлассара и передел его в свои одеяния, а сам натянул вещи дикаря. В плаще смотрящего из Равана далеко не уйти, когда вокруг проклятые валлассары рыскают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.